

**О ЛИНДРОТ Л. Н. — ВИНАВЕРУ М. Л.
ЛИНДРОТ Л. Н. — в ПАРТКОМ А. Х.**

ЛИНДРОТ Лев Николаевич, родился в 1911. Окончил школу и конструкторские курсы. Проживал в Ленинграде, работал конструктором в "Проектгражданстрое" и "Гипрогоре". Осенью 1932 — поступил на архитектурный факультет Всероссийской Академии художеств. В декабре 1933 — после производственного совещания архитектурного факультета обратился с заявлением к секретарю партком академии. В конце декабря 1933 — Лев Николаевич Линдрот был арестован, 6 марта 1934 — приговорен к 3 годам ИТЛ и 29 марта 1934 — отправлен в Печерлаг¹.

В начале августа 1934 — к Михаилу Львовичу Винаверу обратилась Наталия Линдрот, мать Льва Николаевича Линдрота.

<9 августа 1934>

«В Политический Красный Крест
Михаилу Львовичу Винавер

Наталии Николаевны Линдрот
прож<ивающей> г<ород>
Ленинград 136, ул<ица> Ленина
д<ом> 16, кв<артира> 24.

Заявление

В своем заявлении, поданным мною 1-го июля с<его> г<ода>, я просила Вашего содействия к освобождению моего сына, Льва Николаевича Линдрот, 24 л<ет>, студента Академии Художеств г<орода> Лен<ингра>да, высланного в марте с<его> г<ода> в концлагерь на 3 года.

Поводом к ссылке сына, кроме указанного ему социального происхождения (сын б<ывшего> полковника и б<ывшего> дворянина) могли послужить также и личные столкновения сына с партийцами, студентами Академии. Они, ошибочно понимая классовую бдительность и пользуясь случаем, могли свести с ним личные счеты. Об этом я говорила Вам и в этом еще больше убеждает меня заявление сына на имя секретаря парт<ийного> ком<итет>а Академии, которое я нашла в его бумагах и которое он не успел подать по назначению в виду своего ареста.

Копию этого заявления, из которого видна сущность дела, я прилагаю и прошу ее приложить к делу.

Наталия Линдрот.

9-го августа 1934 г<ода>»².

Ниже приводится письмо Льва Николаевича Линдрота секретарю партийного комитета Академии Художеств.

«Декабрь 1933 г<ода>.

Копия

Секретарю Парт<ийного> ком<итет>а
Академии Художеств г<орода> Ленинграда

На производственном совещании архитектурного факультета, на котором Вы присутствовали, Вы слышали все выступления, которые характеризовали меня как антисоветский элемент. Я не знаю причин,

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1447. С. 367.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1324. С. 97. Автограф.

побудивших выступавших товарищей совершенно для меня неожиданно сделать такие необоснованные выводы. Это обвинение настолько ошеломило меня, что, не говоря о том, что я лишен способности нормально работать, прошло несколько дней, прежде чем я собрался с мыслями написать Вам все это. Я никак не могу примириться с сознанием того, что вся моя работа за два года в Академии и до нее свелась к тому, что я стал антисоветским человеком! Я вырос и получил воспитание в семье интеллигента, который с первых дней Советской власти стал честно работать на пользу рабочему классу. Отец, будучи артиллерийским офицером, с первых дней Октяб<ьской> Революции вступил в ряды Красной Армии, командовал артиллерийскими частями, причем, непосредственно участвовал в операциях на Карельском фронте. Затем преподавал на Командных курсах. После демобилизации, работая по финансовой линии, он опять зарекомендовал себя как честный и преданный работник и за налоговую работу в Новгородском Губ<ернском> ф<инансовом> о<тделе> награжден персонально часами от Нарком<ата> фин<ансов>. В такой обстановке, учась в это время в советской школе, я не мог получить в свое воспитание ни одной антисоветской капли. После окончания школы, на конструкторских курсах и службе в Советских учреждениях (Проектгражданстрой, Гипрогор) я находился в здоровой советской среде, работал и по общественной линии. Мне кажется, что и все мое пребывание в Академии с осени 32 года никак не может оправдать этих обвинений. С первого же года, идя по академической успеваемости одним из лучших студентов, я выполнял всевозможную общественную работу честно и добросовестно, ни разу не уваливая и не отказываясь от нее. В институте я дважды премирован, как ударник военной учебы и как ударник полит<ической> сети В<сесоюзной> А<кадемии> Х<удожеств> по проработке XVII съезда ВКП (б). Кроме того, я премирован денежной наградой и благодарностью в приказе во время прохождения летом этого года военно-физкультурного сбора в Сосновке. Все это и мое поведение в повседневной жизни, где я был всегда откровенен и прямодушен и не имел ни с кем скверных товарищеских отношений, свидетельствует о том, что моя работа в Академии никак не могла выработать во мне антисоветские тенденции. По существу к чему сводятся обвинения, на которых основывается моя антисоветская оценка?

Обвинение первое: в том, что я, во время чтения постановления ЦК ВКП (б) и Совнаркома об отмене хлебных карточек в конце одного из пунктов после слов ... "мука и крупа" вместо слов "и тому подобное" я срифмовал и бросил слова "и прочая требуха". Это была простая шутка, которую все так и поняли, включая и выступавших товарищей. Иначе, почему они тогда же не сделали мне замечания? Обвинение же это сформулировано таким образом, что получилось впечатление, что я этим словечком охарактеризовал все постановление. Я не только ценю всю политическую важность этого постановления, но буквально на себе буду испытывать удобство этого мероприятия, т<ак> к<ак> живя один, задерживаясь работой по вечерам, из-за прикрепления к одной булочной, я зачастую не успевал купить хлеб. Во-вторых: не называя фамилии, мне было предъявлено обвинение в том, что я халтуру в аудитории во время занятий, на это уже ответил профессор (фамилия неразборчива), который, случайно задержавшись в аудитории после занятий, видел, как я делал срочную работу — надпись на альбоме проекта Института Рентгена, который вечером же должен был быть отправлен в Москву тов<арищу> Бубнову. Совершенно странное обвинение было в "неслучайности" посещения меня неким Гуровичем. Гурович посещал не меня, а деканат и в отдельности привязывался к разным лицам, в том числе и к профессорам. Гуровича я знаю только потому, что, когда я работал в

"Проектгражданстрое", туда поступал работать Гурович, но, проработав несколько дней, обнаружив странность характера, разговоров и действий, был уволен. Впоследствии было выяснено, что он душевнобольной. Как бред сумасшедшего мною воспринималось все, что он говорил. Никаких других отношений с этим больным человеком у меня не было и нет. Я слишком был ошеломлен тогда, на производственном совещании всем этим, что не запомнил мелких нападок и обвинений, но я твердо уверен, что они все же были недостаточны для обвинения меня в антисоветском настроении. Я отнюдь не хочу сказать, что я абсолютно безгрешен. Возможно, были какие-либо ошибки и у меня, но почему же они остались в свое время не замечены, не разъяснены мне? Почему вдруг сейчас свился какой-то ужасный клубок необоснованных, неверных и обидных обвинений? Почему я, два с лишним года считавшийся нормальным студентом, вдруг обнаружил антисоветские настроения? Вот поэтому у меня к Вам большая искренняя просьба: по Вашей работе в Академии, по Вашим выступлениям видно, что Вы действительно вникаете в факты и можете внести объективное мнение по этому вопросу. Уделите немного времени на выяснение этого дела, потому что тяжело жить и работать, имея на себе тяжесть такого обвинения. Лев Линдрот»³.

В июне 1936 — работал на проектировании строящегося поселка в Судстрое⁴. В 1949 — окончил архитектурный факультет Всероссийской Академии художеств, работал архитектором. В 1960-х — профессор, заведующий кафедрой графического дизайна Художественно-промышленного училища имени Мухиной. В 1988 — скончался⁵.

---

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1324. С. 98-99. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1485. С. 173.

⁵ Линдрот Лев Николаевич. Персоны. artru.info...